

ПОДХОД БРЕЖНЕВА К РЕШЕНИЮ НАЗРЕВАЮЩЕГО ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КРИЗИСА: К ВОПРОСУ О СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ РУКОВОДСТВА СТРАНАМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ

Т. А. Джалилов

*Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Институт всеобщей истории РАН
(ИВИ РАН), Москва, Россия. slavika1@yandex.ru*

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-18-01728 «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР.

Статья посвящена влиянию советского фактора на политическую ситуацию в Чехословакии накануне «Пражской весны». На основе анализа документов Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза показано, что советское руководство знало о назревающем кризисе, но устранилось от решения проблемы. Автор считает, что причина крылась в отсутствии у Л. И. Брежнева концепции модернизации «социалистического лагеря».

Ключевые слова: *история СССР, история Чехословакии, Пражская весна, ЦК КПСС, социалистический лагерь, Брежнев Л. И.*

Когда мы говорим о чехословацком кризисе 1968 г., Пражской весне (Pražské jaro – в первоисточнике), мы пользуемся терминологией созданной современниками событий. Произнеся «Пражская весна», мы невольно фокусируемся на кратком временном отрезке с января по сентябрь 1968 г. (всего 9 месяцев) даже не чехословацкой, но чешской, пражско-столичной истории. В действительности, применительно к «Пражской весне» правильнее ставить вопрос об одном из элементов в цепочке кризисов «мировой системы социализма». Хронологические рамки описываемого явления условно могут быть определены рубежом 1963/64 гг., а за конечную точку можно принять декабрьский (1970 г.) пленум ЦК КПСЧ, когда кризис не был разрешен, но временно «загнан вглубь».

Пражская весна, вне всякого сомнения, стала одним из важнейших объектов рефлексии на тему способности коммунистических режимов к трансформации и сущности коммунизма в целом. С одной стороны, актуальность и дискуссионный характер темы способствовали росту количества исследований, с другой, породила множество стереотипов, уходящих корнями не столько в исторические исследования, сколько в идеологическую полемику.

Одним из таких мифов является тезис о случайном характере событий 1968 г. в Чехословакии, отсутствии их исторической обусловленности. Представление о том, что тоталитарный

коммунистический режим может допустить постепенное вызревание демократической культуры, комплекса реформаторских идей не вписывалось в идеологическое клише. Поэтому Пражская весна изображалась как чудный цветок, случайно пробившийся сквозь бетон коммунистического тоталитаризма и немедленно раздавленный гусеницами советских танков. Советская сторона в контексте этой концепции представлялась могущественным спрутом, опутавшим щупальцами своего чехословацкого сателлита, но, по неведомой причине, проспавшим Пражскую весну и вынужденным прибегать к крайним, силовым мерам. Наиболее яркое отражение эта мифологема получила отражение в работах Иржи Валенты [См.: Валента: 1968, 1991].

Потребовались многолетние изыскания ученых [См.: Kaplan: 2011], чтобы доказать, что события пражской весны логично вытекают из развития чехословацкого общества после 1956-го г. и обусловлены комплексом процессов, инициированных разоблачением культа личности на XX съезде КПСС. На сегодняшний день все больше сторонников в научном сообществе находит выдвинутый еще З. Млынаржем тезис о том, что политический успех Пражской весны был обусловлен именно тем, что движение общества "снизу" и движение в партии "сверху" встретились и в значительной степени объединились. А это было бы невозможно без многолетнего воздействия реформаторского коммунизма внутри правящих

диктаторских структур... Когда о временах Новотного говорят как о сплошном царстве мрачного сталинизма, в которое в январе 1968 года ворвался светлый луч дубчековской реформаторской политики, то истинная картина 60-х годов в Чехословакии значительно искажается» [Млыннарж: 1992, С. 68–69].

Однако, данный справедливый вывод совсем недавно получил весьма странную интерпретацию. В 2016 г. была издана двухтомная монография Н. Н. Платошкина под названием «Весна и осень чехословацкого социализма». По мнению автора, «... именно Новотный и был настоящим архитектором коренных реформ в Чехословакии, по сути, прерванных хаосом и политическим разбродом "пражской весны", когда серьезные реформы заменили газетной болтовней»... «чехословацкий социализм "произвел" слишком много образованных и свободных людей. Именно они составили идейное ядро тех, кто раздувал ветер "пражской весны", в то время как "партийные аппаратчики" пытались проводить экономические и социальные реформы» [См.: Платошкин: 2016, С. 148]. Чехословацкие интеллектуалы выступают у Платошкина в роли «отвратительных термитов» разрушающих здание государственности, в то время как благородные коммунистические бюрократы осуществляют необходимые реформы.

Очевидно, что миф, создаваемый Платошкиным, адресован в первую очередь российской аудитории. Тем более, что в чешской истории Платошин не силен, о чем свидетельствуют многочисленные «детские ошибки», которые специалист-богемист себе бы не позволил. Однако, увы, подобное «анти-интеллигентское» мифотворчество становится все более и более востребованным.

Противопоставить подобным «исследованиям» можно только, как это не банально звучит, классический академический подход, основанный на скрупулезном анализе вводимых в научный оборот архивных документов. Бесценный комплекс источников, сформированный в ходе работы аппарата ЦК КПСС, хранится в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ).

В аппарат ЦК КПСС (бывший на тот момент средоточием властных функций в СССР) стекались сведения, собираемые советскими людьми, занимавшими разные посты при посольстве, консульстве, представительствах советских учреждений, центральных газет и журналов, международных организаций и учреждений (т.е. очень широкий круг источников, который можно дополнить упоминанием о советских деятелях нау-

ки и культуры, писавших отчеты о пребывании за границей, о чехословацких общественных и политических деятелях, напрямую обращавшихся в ЦК КПСС, дипломатах соцстран, регулярно информировавших сотрудников Отдела ЦК по тем или иным вопросам, и т.д.). При этом речь идет не только о документах, направлявшихся в ЦК в силу служебных обязанностей (политических отчетах посольства, служебных записках дипломатов и чиновников различных ведомств, записях протокольных бесед и т.п.). Многие, как советские, так и чехословацкие, граждане считали своим долгом «в неофициальном порядке» проинформировать Старую площадь по тем или иным вопросам, поделиться своими соображениями. Важно отметить, что «визави ЦК КПСС» были очень разные люди: как будущие реформаторы – А. Дубчек, Ч. Цисарж, О. Шик, так и их принципиальные противники – В. Биляк, Й. Ленарт. Точка зрения, что Москва слышала исключительно голос «консерваторов-сталинистов» и формировала свою позицию только под воздействием их взглядов, применительно периоду, предшествующему Пражской весне, в корне не верна. К тому же, ставшие в будущем ключевыми фигурами «нормализации» Биляк, Г. Гусак в этот период по многим вопросам выступают с позиций, близких реформаторам [Подробный анализ этих материалов см.: Джалилов: 2012, С. 52–64].

На основании этих документов можно достоверно восстановить цепь событий, в конечном счете приведших к «Пражской весне».

Вторая половина 1950-ых годов была «золотым веком» чехословацкого социализма. Экономика неуклонно росла, а вслед за ней поднимался и жизненный уровень населения. По данным Советского посольства в Праге (а эти данные подтверждаются и выводами современных чешских ученых), личное потребление населения увеличилось в 1953–1957 гг. на 40 %, фонд заработной платы в 1956–57 гг. – на 12 миллиардов крон. Экономические успехи дали возможность чехословацкому партийному руководству купировать воздействие на общество инициатив по разоблачению сталинизма на XX съезде КПСС и фактически снять с повестки дня вопрос о реабилитации. В беседах с советскими ответственными работниками чехословацкие товарищи кичились своими успехами и посмеивались над польскими и венгерскими коммунистами, испытывавшими серьезные проблемы.

Однако с началом 1960-ых гг. ситуация резко изменилась: множество различных процессов в едином временном отрезке «наложились друг

на друга», сплетясь в единый клубок трудноразрешимых противоречий: падение темпов роста экономики; социокультурные изменения, обусловленные вхождением общества в постиндустриальную эпоху; обострение чехо-словацких национальных противоречий; внутриэлитные разногласия, вызванные незавершившимся процессом десталинизации и т.д.

Экстенсивные методы плановой экономики больше не давали результата, все новые и новые вложения в основные фонды не приносили должной отдачи [См.: Suk Jiří: 2016]. Начиная с 1963-го г. на Старую площадь из Праги приходили все более и более тревожные сигналы. 13 января 1964 г. первый секретарь посольства СССР в ЧССР Ф. М. Метельский сообщал о состоявшейся у него беседе с заместителем председателя Госплана ЧССР О Винкларек. «В ходе беседы, – докладывал Метельский, – тов. Винкларек заявил, что положение в экономике ЧССР остается очень сложным. Поверьте мне, – заявил он, – я уже около 15 лет работаю в Госплане и хорошо разбираюсь в этих вопросах и я пока не вижу возможности оздоровления экономики. ... Единственная возможность нормализации в развитии чехословацкой экономики – это помощь СССР»¹.

Экономический кризис совпал с изменением социальной структуры чехословацкого общества. Страна входила в постиндустриальную эпоху. Как показал Карел Каплан, с конца 1950-х гг. начинает стремительно расти число лиц с высшим образованием, формируется тенденция превалирования интеллектуального туды над физическим [См.: Kaplan: 2009]. На глазах возникала новая, постиндустриальная реальность. Марксистский дискурс классовой борьбы был уже не столь актуален в этом мире. Неслучайно на рубеже 1950-60-ых гг. наиболее востребованными становятся не замечательные чешские писатели – Богумил Грабл, Милан Кундера, Павел Когоут, не кинематографисты «новой волны» – И. Менцл, В. Хитилова, М. Форман (их время придет позже), а философы, чешские последователи Мартина Хайдеггера и Эриха Фромма. «Философия человека» определила «интеллектуальный ландшафт» страны на последующие десятилетия. Тревожные сигналы о положении в чехословацкой интеллектуальной среде стали поступать в ЦК КПСС с конца 1950-х гг. [Подробно об этом см.: Джалилов: 2003, С. 123–130].

В апреле 1957 г. по приглашению Пражского реалистического театра и издательства «Млада фронта» в ЧССР побывала Вера Кетлинская. Вер-

нувшись на родину, она, как и было положено, написала отчет в иностранную комиссию Союза советских писателей, а в заключение сочла нужным приписать: «Прошу иностранную комиссию ССП переслать эту записку в ЦК КПСС – может, она пригодится, как материал, при решении вопросов, зависящих от нас, и при дружеских консультациях с чешскими товарищами»². После многих неформальных дружеских бесед «с чешскими товарищами» писательница пришла к главному выводу: «Видимо, тут, в ЧСР, что-то делается неверно, не до конца, что порождает нездоровые настроения». «Нездоровые настроения», согласно Кетлинской, это – «...неясности и сомнения в теоретических вопросах» о социалистическом реализме, о диктатуре пролетариата и партийности литературы: «Некоторые интеллигенты (особенно я это почувствовала в Словакии) по существу занимают положение наблюдателей, а не участников строительства социализма, то есть думают о критике, о существующих ошибках, а свою ответственность за общее дело понимают только как право критики, право "суда" над действительностью»³. По мнению Кетлинской, сложившееся положение в ЧСР объясняется игнорированием чехословацким руководством решений, а главное, «духа» XX съезда КПСС.

Кетлинская утверждает, что значительная часть из тех «нездоровых настроений», которые были подмечены ею в среде чехословацкой интеллигенции, обусловлена именно сложившейся в СССР практикой руководства культурой: «...в связи с моим опозданием на премьеру «Мужества» в литературно-театральных кругах распространилось мнение, что меня «не пустили» за границу из-за того, что я выступала в защиту романа Дудинцева и затем не выступила с признанием ошибок, о чем не очень умно сообщила Литгазета. ... «Международная книга» часто запрещает им (чехословацким писателям и редакторам) переводить ту или иную книгу, ... три года запрещали переводить и издавать «Оттепель» Ильи Эренбурга. Даже если предположить, что эта книга могла принести какой-то вред, – надо прямо сказать, что запрещение издания принесло вред неизмеримо больший...»⁴. Исправление ситуации Кетлинская видела, в основном, в изменении методов руководства культурой в СССР, а также в «серьезных и откровенных беседах» с деятелями науки и культуры стран Восточной Европы, во время которых «каждый из нас просто

²РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 40. Л. 90.

³Там же. Л. 93.

⁴Там же.

¹РГАНИ. Ф.5. Оп. 49. Д.674. Л. 7, 9.

обязан быть партийным пропагандистом, борцом за нашу идеологию»¹.

Для характеристики нравов советского общества показательны, что даже деятели культуры первого ряда не чурались не только информировать (на грани доноса) партийное руководство о «нездоровых явлениях» в среде чехословацких интеллектуалов, но также предлагали свои программы воздействия на идеологическую ситуацию в Чехословакии².

Предложения Кетлинской, в теории вполне здравые, на практике оборачивались совершенно иным. «Пражский воздух» странным образом действовал даже на советских «литературных генералов» и вдруг оказывалось, что Шолохов и чехословацкие интеллектуалы говорят на одном языке. Во время беседы с чехословацкими писателями в Праге (3 апреля 1958 г.) Шолохов говорил: «Я вам расскажу об одном случае. Теория – не моя область. Я – просто писатель. Но я расскажу вам о своей встрече с моим другом Александром Фадеевым незадолго перед его смертью. Я спросил его, что бы он сказал, если бы его кто-нибудь спросил, что такое социалистический реализм. Он ответил: «Если бы меня об этом кто-нибудь спросил, я бы на свою ответственность сказал: «Черт знает, что это такое». ... Если уже т. Дрда спрашивает, считаю ли я свои собственные произведения социалистическим реализмом, то я хочу лишь напомнить о том, что те же марксистские теоретики постепенно провозглашали мои произведения сначала как произведения кулацкого писателя, потом я был «контрреволюционным писателем», а в последние годы говорят, что всю жизнь я был социалистическим реалистом»³. Уже через несколько дней стенограмма беседы М. Шолохова с чехословацкими писателями оказалась в ЦК КПСС.

Трудно однозначно утверждать, что именно руководило Шолоховым. Возможно, у автора «Тихого Дона», что называется, «наболело». Возможно, сказало желание произвести «выгодное впечатление» на аудиторию, подстраиваясь под ее настроение. Важнее другое: «казус Шолохова», хоть и один из наиболее ярких, вовсе не единственный, напротив, – типичный. Оказывалось, что направляемые в Чехословакию советские интеллигенты вместо того, чтобы по словам Кетлинской, выполнять роль «партийных пропагандистов, борцов за нашу идеологию», общались с чехосло-

вацкими интеллектуалами на одном языке, языке далеко не комплиментарном для коммунистической элиты.

Тревожные сигналы все чаще и чаще поступали в ЦК КПСС, постепенно превращаясь в «набат». Вершиной этого процесса стал 4-ый съезд чехословацких писателей в июне 1967 г., на котором чехословацкие интеллектуалы поставили под вопрос тезис о партийном руководстве. По сути, съезд писателей послужил спусковым крючком к событиям Пражской весны. Спустя несколько дней после съезда – 2 июля 1967 г. советский дипломат С. И. Прасолов на празднике Мира и дружбы в одном из ройных центров встретился с зав. Идеологическим отделом ЦК КПЧ Й. Гавличком. Гавличек с ужасом рассказывал советскому товарищу о перипетиях писательского съезда, однако гораздо интереснее другое – в этой беседе впервые прозвучала информация о том, что «в узкой партийной среде прикидывается возможная расстановка сил в случае ухода т. Новотного от своего поста»⁴. Советская сторона была поставлена в известность о готовящемся в Праге «дворцовом перевороте».

К подобному повороту событий советское высшее партийное руководство было уже до некоторой степени подготовлено. На Старой площади все больше и больше склонялись к мысли, что первый секретарь ЦК КПЧ «упустил идеологическую ситуацию». В политическом письме за второй квартал 1967 г. под названием «О некоторых проблемах проведения культурной политики коммунистической партией Чехословакии» Советское посольство информировало ЦК КПСС: «В сложной политической обстановке устранения последствий культа личности и преодоления экономических трудностей ... партии не удалось успешно претворить в жизнь свои решения по идеологическим вопросам. У части партийных и государственных кадров стали наблюдаться проявления растерянности и либерализма. ... Руководство ЦК КПЧ видело, что аппарат Центрального Комитета не обеспечивает организационного проведения идеологической линии... процессы, вызывающие беспокойство партии, развивались в идеологической жизни страны уже многие годы, а нездоровые явления приобретали хронический характер...»⁵. Виновный прямо в документе не назывался, однако вывод напрашивался. Речь шла о первом лице в КПЧ – Антонине Новотном.

Встает ключевой вопрос – как же товарищ Новотный «докатился до жизни такой». Конеч-

¹Там же. Л. 94.

²Особо отметим, что записка Кетлинской не является примером исключительным, напротив, одна из многих подобного рода, выявленных в фондах РГАНИ.

³Там же. Ф. 5. Оп. 30. Д. 281. Л. 23-24.

⁴Там же. Ф. 5. Оп. 49. Д. 674. Л. 20.

⁵Там же. Ф. 5. Оп. 49. Д. 673. Л. 138.

но, первый секретарь ЦК КПЧ не был ни тайным либералом, ни завзятым сторонником реформ. Новотный был правоверным коммунистом и абсолютным лояльным к Москве политиком, чье мировоззрение сформировалось в условиях сталинизма. Суть этого мировоззрения очень точно сформулировал в беседе с советским дипломатом первый секретарь компартии Словакии в 1953–1963 гг. Кароль Бацилек. «Что они от меня хотят [интеллигенты], я ведь всегда делал то, что мне говорили советские советники...»¹.

И Новотный и Бацилик были типичными восточноевропейскими деятелями, способными под присмотром советских советников четко реализовывать линию, выработанную в ЦК КПСС, но не способными проводить самостоятельный политический курс. Однако в 1956 г. система советских советников была ликвидирована, в отличие от сталинских времен структура подчинения становилась сложнее, а сигналы, поступающие из Москвы, носили весьма неоднозначный характер. Именно этим и объясняются идеологические метания чехословацкого партийного руководства.

Советский фактор сыграл важнейшую роль. В аппарате ЦК КПСС накапливалась информация о, говоря цэковским языком, «негативных явлениях в Чехословакии». Документы свидетельствуют, что в отделах ЦК КПСС все прекрасно знали и не могли не понимать, в каком направлении развивается ситуация. Однако на большинстве документов мы находим характерную резолюцию: «материал информационный, использован в работе отдела ЦК». В некоторых случаях: «Ознакомить секретарей ЦК» и сведения о рассылке документа высшему партийному руководству. Однако если подняться на уровень выше в партийно-аппаратной иерархии – уровень Секретариата и Политбюро ЦК КПСС, то мы увидим совершенно иную картину. За рассматриваемый нами период было принято более двух сотен постановлений Политбюро и Секретариата ЦК КПСС о ЧССР, готовились материалы к встречам на высшем партийном уровне, велись стенограммы встреч первых лиц КПЧ и КПСС. Во всех этих документах мы не найдем ни слова о «кризисных явлениях» [Подробнее об этом см.: Джалилов: 2013, С. 331–354]. Это очень красноречивое молчание.

8 декабря 1967 г. в Праге появился Л. И. Брежнев. В этот момент кризис уже вышел наружу, заседал Пленум КПЧ, дело шло к отставке Новотного. Все ждали решающего слова от советского лидера, но он его так и не произнес. Вернувшись в Москву, генсек сказал встречавшим его в аэро-

порту членам Политбюро: «Еще не хватало влипнуть в их внутреннюю склоку. Пусть сами разбираются. Пошли они к...!».

Дело было конечно не в том, что, как пишет один из исследователей, Брежнев так и не усвоив существа разногласий «чехословацких товарищей» ... как следует из записи состоявшегося у него 13 декабря телефонного разговора с Я. Кадемом, усмотрел «главную причину этих трудностей в том, что тов. Новотный не знает, что такое коллективное руководство и как общаться с людьми» [Латыш: 1998, С. 17]. Перед нами простая, но неверная интерпретация поведения Брежнева, к которой, скажем справедливости ради, подталкивал сам генсек. Лидер советского государства во все не был ни наивным политиком, ни профаном в аппаратной борьбе, хотя при необходимости умело изображал из себя «Иванушку-дурачка», что, конечно, являлось лишь игрой искушенного партийного деятеля. Применительно к «чехословацким событиям» поведение Брежнева, как нам представляется, обуславливалось отнюдь не непониманием природы процессов, разворачивавшихся в Праге, а отсутствием внятной программы действий, которая могла бы быть позитивно принята входившими в постиндустриальную стадию развития обществами социалистических стран. Методы и практики сталинизма уже не соответствовали духу времени и были осуждены еще XX съездом КПСС. Несмотря на определенный «неосталинистский тренд», всерьез возможность полномасштабной реставрации никто не рассматривал [См.: Митрохин: 2003]. Однако полноценной альтернативы сталинизму не было создано. Взамен «брежневское руководство» лишь предложило эклектичный набор во многом противоречащих друг другу идеологем. В качестве «модели будущего» провозглашалась малопонятная концепция построения развитого социализма² и задача неуклонного роста благосостояния граждан [См.: Деннингхаус, Савин: 2015]. Проблема заключалась в том, что идя по этому пути, социалистическая социально-экономическая модель мобилизационного типа была изначально обрече-

²21 декабря 1966 г. в газете «Правда» была опубликована статья Ф.М. Бурлацкого «О строительстве развитого социалистического общества», оформлявшая новую идеологическую концепцию: завершение полного построения социализма (о чем было объявлено на XXI съезде КПСС) знаменует новый длительный период – стадию «развитого социализма», в ходе которой в полной мере реализуются преимущества социалистического строя. В 1967 г. о построении в СССР «развитого социализма» было заявлено Брежневым в речи по случаю 50-летия Октябрьской революции, а окончательно этот тезис был закреплен на XXIV съезде КПСС в 1971 г.

¹Там же. Ф. 5. Оп. 30. Д. 283. Л. 43.

на на поражение в конкуренции с развитым капиталистическим обществом потребления. Консюмеризм, хоть и отвечал общественному запросу, никак не сопрягался с коммунизмом.

Именно поэтому советский лидер попытался сменить способ интерпретации нараставшего чехословацкого кризиса. Говоря Кадеру о том, что «Новотный не знает, что такое коллективное руководство и как общаться с людьми», Брежнев представлял события таким образом, будто речь идет исключительно о противоречиях внутри чехословацкой элиты, которые будут с легкостью преодолены путем замены одних «руководящих товарищей» на других. Нарождавшееся «праж-

скую весну» было решено рассматривать через призму Октябрьского пленума (1964 г.) ЦК КПСС, приведшего к отставке Хрущева, а Дубчеку отводилась роль «чехословацкого Брежнева». Подобный подход, как нам кажется, стал следствием попытки уклониться от разрешения назревших проблем путем замены реальной «повестки дня» «вымышленным» видением ситуации. Расплата пришла незамедлительно, когда в августе 1968 г. единственным аргументом советского руководства осталось применение неприкрытого насилия, повлекшее за собой кризис всей «мировой системы социализма».

Список литературы

1. Валента И. Советское вторжение в Чехословакию. 1968. М., 1991.
2. Деннингхаус В., Савин А. И. Леонид Брежнев: «Маленькая сделка» между властью и народом // Родина. 2015. № 1015 (10).
3. Джалилов Т. А. К вопросу о влиянии советского фактора на чехословацкие события 1964–1967 годов // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 52–64.
4. Джалилов Т. А. Канун «Пражской весны» глазами советских дипломатов // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. М., 2013. С. 331–354.
5. Джалилов Т. А. Научные и культурные контакты СССР и Чехословакии в годы «хрущевской оттепели» // Вопросы Истории. 2003. № 3. С. 123–130.
6. Латыш М. В. «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998.
7. Митрохин Н. А. Русская партия: Движение русских националистов в СССР, 1953–1985. М., 2003.
8. Платошкин Н. Н. Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Ч. 2. Осень чехословацкого социализма. 1948–1968 гг. М., 2016. С. 148
9. Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 17.
10. Kaplan K. Antonín Novotný Vzestup a pád "lidového" aparátčika – Kronika komunistického Československa. Praha. 2011.
11. Kaplan K. Kronika komunistického Československa. díl 4. Praha. 2009.
12. Suk Jiří. Veřejné záchodky ze zlata: konflikt mezi komunistickým utopismem a ekonomickou racionalitou v předsrpnovém Československu. Praha. 2016.

Сведения об авторе

Джалилов Теймур Агабаевич – заведующий отделом изучения и подготовки к публикации архивных документов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Институт всеобщей истории РАН (ИВИ РАН). Москва, Россия.

slavikal@yandex.ru

Magistra Vitae.
2018. No 1. P. 64–70.

BREZHNEV'S APPROACH TO SOLVING THE CZECHOSLOVAK CRISIS: THE SOVIET MODEL OF ADMINISTRATION IN THE SOCIALIST CAMP

T. A. Džhalilov

*Russian State Archive of Modern History (RGANI), Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia. slavikal@yandex.ru*

The article is devoted to the influence of the Soviet factor on the political situation in Czechoslovakia on the eve of the Prague Spring. Based on the documents of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union it shows that the Soviet authorities knew about the maturing crisis but avoided solving the problem. The author believes that the reason was that L.I. Brezhnev lacked the concept of modernizing the “socialist camp”.

Keywords: *history of the USSR, the history of Czechoslovakia, the Prague Spring, Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, the socialist camp, Brezhnev L. I.*

References

1. Valenta I. (1991) *Sovetskoe vtorzhenie v Chechoslovakiju* [Soviet invasion of Czechoslovakia]. Moscow (in Russ.).
2. Denninghaus V. and Savin A. I (2015) Leonid Brezhnev: «Malen'kaja sdelka» mezhdou vlast'ju i narodom [Leonid Brezhnev: «The little deal» between the government and the people], in: *Rodina* [Motherland]. No. 1015 (10) (in Russ.).
3. Džhalilov T. A. (2012) K voprosu o vlijanii sovetskogo faktora na chehoslovackie sobytija 1964–1967 godov [To the question of the influence of the Soviet factor on the Czechoslovak events of 1964–1967], in: *Novaja i novejšaja istorija* [New and recent history]. No. 6, pp. 52–64 (in Russ.).
4. Džhalilov T. A. Kanun (2013) «Pražskoj vesny» glazami sovetskih diplomatov [The eve of the «Prague Spring» through the eyes of Soviet diplomats], in: *Moskva i Vostochnaja Evropa. Neprostye 60-e... Jekonomika, politika, kul'tura* [Moscow and Eastern Europe. Uneasy 60th ... Economy, Politics, Culture]. Moscow, pp. 331–354 (in Russ.).
5. Džhalilov T. A. (2003) Nauchnye i kul'turnye kontakty SSSR i Chehoslovakii v gody «hrushhevskoj ottepeli» [Scientific and cultural contacts between the USSR and Czechoslovakia during the «Khrushchev thaw»], in: *Voprosy Istorii* [History questions]. No. 3, pp. 123–130 (in Russ.).
6. Latysh M. V. (1998) «Pražskaja vesna» 1968 g. i reakcija Kremlja [«Prague Spring» 1968 and the reaction of the Kremlin]. Moscow (in Russ.).
7. Mitrohin N. A. (2003) *Russkaja partija: Dvizhenie russkih nacionalistov v SSSR, 1953–1985* [The Russian Party: The Movement of Russian Nationalists in the USSR, 1953–1985]. Moscow (in Russ.).
8. Platoshkin N. N. (2016) *Vesna i osen' chekhoslovackogo socializma. Čhechoslovakiya v 1938–1968 gg. ČH. 2. Osen' chekhoslovackogo socializma. 1948–1968 gg.* [Spring and autumn of Czechoslovak socialism. Czechoslovakia in 1938-1968 years. Part 2. Autumn of Czechoslovak Socialism. 1948-1968 gg.]. Moscow, p. 148 (in Russ.).
9. Mlynarzh Z. (1992) *Moroz udaril iz Kremlja* [Frost hit from the Kremlin]. Moscow, p. 17 (in Russ.).
10. Kaplan K. (2011) Antonín Novotný Vzestup a pád «lidového» aparátčika [Antonín Novotný – the rise and fall of national apparatchik], in: *Kronika komunistického Československa* [Chronicle of Communist Czechoslovakia]. Praha (in Czech.).
11. Kaplan K. (2009) *Kronika komunistického Československa* [Chronicle of communist Czechoslovakia]. Díl 4. Praha (in Czech.).
12. Suk Jiří. (2016) *Veřejné záchodky ze zlata: konflikt mezi komunistickým utopismem a ekonomickou racionalitou v předsrpnovém Československu* [Conflict between communist ideology and economic policy in Czechoslovakia]. Praha (in Czech.).